

А. В. Быстрых (Воронеж)

**ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ РАСЧЛЕНЕННОГО
ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматриваются некоторые коммуникативные смыслы, актуализуемые расчлененным вопросительным предложением в дискурсе. Данные смыслы не выводимы из внутрисистемных характеристик конструкции и могут быть только исчислены при анализе конструкции в рамках более широких отрезков дискурса с привлечением методов лингво-прагматики.

The article deals with the analysis of functions performed by tag questions in discourse. It reveals that the literal meaning of this construction has very little explanatory power. To be adequately defined they need to be placed in a pragmatic context.

Проблема асимметричного отношения между формой и содержанием вопросительных конструкций является достаточно разработанной в современной лингвистике. Однако не все так называемые «несобственно вопросительные» предложения удостоены должного внимания. Так, исследование расчлененного вопросительного предложения (РВП) представляет особый интерес в плане соотношения формально-вопросительных признаков данной конструкции с прототипическими контекстами её употребления. Будучи закрепленной системой синтаксиса английского языка в качестве регулярной языковой структуры, данная конструкция представляет собой яркий пример лингвистической формы, языковое содержание которой не всегда априори соответствует её коммуникативному предназначению в дискурсе.

Расчлененное вопросительное предложение состоит из двух частей – повествовательной, содержащей утверждение или отрицание, и вопросительной, например: *You haven't got a car, have you?*

Предлагаемый ракурс анализа РВП идет вразрез с традиционным взглядом на РВП с точки зрения формы, а также со сложившимся пониманием коммуникативного значения РВП в нормативных и традиционных грамматиках.

Так, с формальной точки зрения, наличие у расчлененного вопросительного предложения ряда признаков, зафиксированных системой английского языка в качестве маркеров во-

просительных конструкций (наличие инвертированной части, вопросительной пунктуации, а, в ряде случаев, и восходящей интонации) послужило для некоторых грамматистов довлеющим критерием при подведении РВП под структурные варианты оформления общего вопроса (English grammar... 1977: 219; Бузаров 1986: 33 и др.). Как представляется, именно такой ракурс на проблему склоняет некоторых исследователей к описанию использования РВП для реализации речевого акта информативного вопроса¹, напр. (Östaman 1981; Шевченко 1988); Малюга 2001). В некоторых работах постулируется функциональная близость РВП с восходящим интонационным контуром присоединяемой части к общевпросительным предложениям, используемым для запроса информации (Melchers 1983 и др.).

Исследователи, исходящие из анализа логико-семантической структуры данной конструкции, полагают, что сочленение двух коммуникативно гетерогенных синтаксических категорий (повествовательного и вопросительного предложений) в рамках одного предложения ведет к выражению *неуверенного утверждения (предположения) с запросом подтверждения выраженной информации адресатом* (Quirk et al 1982, Лайонз 2004 и многие др.). Исследователи, работающие в рамках эпистемической логики, подводят данную конструкцию под маркер *модуса мнения* (Hintikka 1982), а инвариантное содержание определяют как *“Я искренне считаю, что p, скажи так ли это?”*.

Между тем, использование РВП носителями английского языка (особенно британского варианта) выходит за рамки традиционно принятой трактовки их употребления.

Например (1):

“Well, if you drink as much as that, you must expect to feel a bit off colour the next day, mustn't you?”

“Yes, I must, mustn't I?” (К. Amis).

Подобные отрезки текста традиционно подводят под термин *«(двучленное) диалогическое единство»* (ДЕ). Под ДЕ понимается наименьшая относительно самостоятельная единица речи

¹ Под «информативным вопросом» понимается речевой акт, суть которого состоит в запросе говорящим у адресата неизвестной говорящему информации (Цурикова 2001:24).

участников коммуникации (Бузаров 1986: 12), выделяемая на основе взаимосвязи реплик в структурно-композиционном, смысловом и функциональном отношении (Агапова 2004: 26). Между репликами ДЕ устанавливаются отношения «стимул-реакция» ($S \rightarrow P$), что означает, что каждая исходная реплика порождает вторую ответную реплику, и что структура и семантика первой иницирующей реплики в какой-то мере обуславливает форму и содержание второй ответной реплики, ибо между этими репликами существует, как правило, импlicative связь (Бузаров 1986:12).

Однако пример (1) показывает, что использование РВП в данном случае нельзя объяснить общепринятым способом – путем выявления каких-либо устойчивых структурно-семантических отношений – типа отношений, существующих в прототипическом вопросно-ответном единстве по линии целевых установок вопросительного и повествовательного предложений. Нельзя сказать, что и структура ответной реплики каким-либо образом имплицитруется (прогнозируется) структурой иницирующей реплики, поскольку данный минимальный контекст не позволяет определить актуальные смысловые связи между репликами.

В контексте (2), –

“You know the conditions,” I said. “I’ve kept my part of our dirty, damnable bargain, haven’t I? But you’ve cheated...”
(Maurier), –

пропозициональная семантика, рассмотренная непосредственно на уровне конструкции расчлененного вопросительного предложения с субъектом 1 л. ед. ч., вовсе предстает как абсурдная, поскольку аномально спрашивать или искать подтверждения относительно положения дел, непосредственно относящегося к самому себе.

Для того чтобы лучше понять, в чем же заключается ограниченность, а, в отдельных случаях, и несостоятельность теорий, пытающихся исчислить иллокутивную направленность РВП, исходя лишь из логической семантики конструкции и минимального лингвистического контекста, рассмотрим следующий пример:

(3) *“I think you’d better drink out of my cup,” Christine said. “We don’t want anyone to know you’ve been here, do we?”*

She poured out some coffee and drank a little, then passed the cup to him (K. Amis).

В примере (3) героиня пытается скрыть свою связь с героем путем использования одной чашки. Каким образом можно интерпретировать употребление РВП в данном контексте? Данное высказывание не может быть проинтерпретировано как вопрос, поскольку этому мешает нарушение предварительного условия и условия искренности РА вопроса: «*Говорящий не знает ответа*» и «*Говорящий хочет знать информацию*» (Падучева 1985: 25). Девушка располагает информацией, выраженной пропозициональным содержанием главной части РВП и убеждена в её истинности. Не может оно быть рассмотрено и как реализация акта утверждения (констатации), так как нарушается предварительное условие соответствующего акта: «*Для говорящего не очевидно, что слушающий знает р*» (там же). Экстралингвистический контекст (нежелательность обнаружения связи очевидна и для героя) элиминирует подобную интерпретацию.

Не позволяет хоть сколько-нибудь приблизиться к декодированию актуального коммуникативного содержания высказывания и его стандартная интерпретация в виде выражения данного *неуверенного утверждения (предположения) с запросом подтверждения выраженной информации адресатом*. Очевидность пропозиционального содержания понимается обоими коммуникантами из экстралингвистического контекста, а поэтому не требует верификации. Более того, пропозициональное содержание не принадлежит к модусу мнения, а скорее относится к модусу разделяемого знания, так как иного знания в отношении обозначенного положения дел у участников коммуникации в данной ситуации быть не может (Ср. уместность подставления предиката пропозиционального знания 'know': *We know that we don't want...*).

Еще одна функция, часто выводимая из семантики расчлененного вопросительного предложения, – вовлечение собеседника в дискурс (Stenström 1984: 17-18; Cameron et al. 1989). Данная метакоммуникативная функция осуществляется за счет наличия у РВП вопросительной присоединительной части, которая апеллирует к собеседнику за подтверждением или опровержением истинности пропозиционального содержания главной части. Считается, что такая апелляция, помимо своего

коммуникативного назначения, обладает высокой интеракционной ценностью, поскольку обеспечивает кооперативное участие собеседников в дискурсе.

Однако примеры (4) и (5) свидетельствуют, что говорящий вовсе не наделяет вопросительные части употребленных РВП апеллятивной силой и не ожидает от слушающего ответной реакции.

(4) ***"You had some bet that would startle him, didn't you? Some foolish joke. And of course, he does not understand. It was such a frightful shock for him..."*** (Maurier).

(5) ***"I get scared sometimes too. I lose the way. It's frightening easy to be lost, isn't it, in a strange city, but when you get lost inside yourself... Have another lager"***.

"This one is mine" (Greene).

В (4) употребленная вопросительная концовка гораздо ближе по своему функциональному содержанию стратегии удержания инициативы и поддержания последовательности продуцируемого говорящим сообщения (turn-holding), нежели стратегии передачи инициативы (turn-yielding), непосредственно выводимой из логико-семантического содержания конструкции. В (5) присоединяемая часть не оформляется как вопросительная вовсе, а следующее за ней высказывание реализует совершенно отличную коммуникативную функцию, переключающую внимание адресата.

Контексты (1) – (5) убедительно показывают, что анализ закономерностей употребления РВП в подобных случаях невозможно провести на уровне рассмотрения их пропозициональной семантики, поскольку выражаемые ими смыслы актуализируются на уровне дискурса. При этом такой традиционный «минимальный отрезок дискурса», как диалогическое единство оказывается явно недостаточным. Исчисление коммуникативных значений РВП возможно только при перенесении данных конструкций в прагмалингвистическую плоскость и анализе более крупных отрезков дискурса, позволяющих рассматривать релевантные экстралингвистические факторы.

Прагмалингвистический анализ предполагает рассмотрение коммуникативного значения языковой структуры в терминах речевых актов с учетом разнообразных факторов внеязыкового контекста, предопределяющих выбор дискурсивных

стратегий, осуществляемых коммуникантами при речевом взаимодействии.

Принимая во внимание примеры (3) – (5), а также приводимые ниже, попытаемся проследить одну из дискурсивных функций, выполняемых данной конструкцией.

(6) *“He tells me that you are going to sue for alimony. Is that so?”*

“Tony, don’t be so bullying. The lawyers are doing everything. It’s no use coming to me”

“But did you know that they proposed to ask for 2000?”

“Yes. They said that. I know it sounds a lot but...”

“And you know exactly how much my money stands, don’t you? You know it means selling Hetton [estate], don’t you? ... hullo, are you still there?”

“Yes, I’m here.” (Waugh).

(7) *“After all – it was just what I had to tell you – this hotel will be yours one day. Only I wanted to explain – the law is so complicated, one must take precautions – that’s in the form of shares, and I have left to Marcel a third interest. He will be very useful if you treat him right, and I had to do it for the boy, hadn’t I? He has been rather more than a mere manager. You understand? You are my son. So, of course you understand”*

“I understand” (Greene).

Принимая во внимание макроконтекст диалога (6) (супруги после нескольких лет семейной жизни разводятся; муж, апеллируя к информированности супруги о его финансовом состоянии, пытается решить вопрос о её материальном содержании), убеждаемся, что выражаемое расчлененным вопросительным предложением значение с формальной точки зрения представляет собой нарушение максимы количества Грайса: «Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется» (Грайс 1985: 222). (Ср. субмаксиму количества в (Bublitz 1979: 18): требование не передавать известную адресату информацию). Вместе с тем, коммуникативный контекст показывает, что данный диалог протекает в русле кооперативного поведения и имеет своей целью достижение разумного компромисса. Перед слушающим в данном случае предстает задача декодирования смысла, вкладываемого говорящим в РВП, дополняя, что тот следует принципу Кооперации.

Исчисление коммуникативных имплицатур неконвенционального типа (по Грайсу) требует обращения к экстралингвистическому контексту и, в частности, к релевантным экстралингвистическим факторам, участвующим в порождении дискурса. В (6) в главной части РВП эксплицируется такая важная часть экстралингвистического контекста как общий информационный фонд участников интеракции (*shared knowledge*), который А. Стенстрём определяет как «разделяемые (*mutual*) знания, мнения и предположения, существующие между людьми» (Stenström 1984: 86). Как правило, существование данного знания (сколь мало бы оно не было) есть необходимое условие для возникновения и протекания коммуникации между людьми, конечной целью которой является пополнение общего фонда информации. Однако, будучи отправной точкой интеракции, это знание обычно не вербализуется непосредственно в соответствии с максимой количества. Супруга героя, прожив с ним несколько лет, безусловно, информирована о его материальном состоянии и возможностях. Тем не менее, герой считает необходимым в максимально эксплицитной форме вербализовать данную информацию. Подобные механизмы активированы и в примерах (3) – (5), с той лишь разницей, что в (6) происходит дополнительное маркирование прагматической презумпции говорящего, являющейся компонентом общего информационного фонда. Это производится посредством использования фактивного глагола *to know*. Е. В. Падучева определяет прагматическую презумпцию как «презумпцию [говорящего] о знаниях слушающего» (Падучева 1985: 57).

Итак, в (3) – (7) говорящий, оценив информированность собеседников о *p* и не сомневаясь в разделяемости ими *p*, вербализует *p*. Почему он это делает, и, что для нас более важно, почему он это делает посредством расчлененного вопросительного предложения?

Эксплицируя общий фонд знания, говорящий, как представляется, привлекает внимание адресата к уже известной ему информации в силу ее высокой важности, ставит ее в своеобразный коммуникативный фокус. Тем самым он готовит платформу для определенных дискурсивных стратегий. Контексты (3) – (7) свидетельствуют о том, что пропозициональное содержание, помещенное в структуру РВП, функционирует в

качестве **аргументации** в более широком речевом (дискурсивном) событии **убеждения**.

Напоминая адресату о существовании в его информационном фонде некой пропозиции, которая может функционировать в качестве аргумента, говорящий тем самым обеспечивает предварительное условие успешности акта убеждения. Так, в (3) героиня убеждает собеседника воспользоваться одной чашкой, упомянув, что в их интересах скрывать свою связь. В (4) служанка женщины убеждает её, что сыгранная ею шутка была крайне неприятна для ее мужа, предварительно удостоверившись, что факт шутки имел место. В (6) муж пытается убедить жену в неразумности выдвигаемых ею требований, апеллируя к её информированности о его состоянии. В (7) отец пытается привлечь сына на свою сторону и убедить его в правильности принятого им решения, заостря внимание на моральной необходимости такого решения, хорошо понимаемой сыном.

Экспликация аргумента представляет собой своего рода вспомогательный иллокутивный акт, прагматически связанный с более широкой коммуникативной задачей говорящего. Осуществляя данный акт, говорящий намеренно посылает адресату определенный сигнал о необходимости, опираясь на имеющийся опыт речевого общения, верно исчислить подкрепляемую таким образом речевую стратегию.

Использование именно конструкции с присоединенной вопросительной (апеллятивной) частью для подкрепления речевой стратегии убеждения можно объяснить, во-первых, выражением в ней прагматической презумпции говорящего, которая всегда ориентирована на адресата, точнее его информационный фонд. Вопросительная часть является своеобразным сигналом апелляции к его знанию или мнению (тем самым учитывается «фактор адресата», приобретающий особую значимость в контексте убеждения). Во-вторых, вопросительная часть есть маркер кооперативности со стороны говорящего, так как, апеллируя к ментальному фонду слушающего, говорящий показывает, что включает его в дискурс. В случаях, где за присоединяемой вопросительной частью не следует реактивная реплика слушающего, по-видимому, уместно говорить об особом механизме включения его в дискурс через учет его инфор-

мационного фонда, напр. (4) и (5). В данном случае имеет место речевое взаимодействие с неявной обратной связью.

Итак, в фокус нашего внимания попадают РВП, пропозициональное содержание которых выражает знание или мнение, разделяемое коммуникантами до момента вступления в коммуникацию, либо знание, очевидность которого вытекает из коммуникативной ситуации. Коммуникативное содержание данных конструкций выявляется путем привлечения экстралингвистического контекста и, в частности, таких его составных частей как общий информационный фонд коммуникантов и прагматические презумпции говорящего. Анализ материала показывает, что расчлененные вопросительные предложения в данном случае реализуют акты, «подкрепляющие» более широкую дискурсивную стратегию говорящего (убеждение, привлечение адресата на свою сторону и т.д.) за счет экспликации предварительных условий её реализации.

Дискурсивное событие убеждения в данном случае выступает как минимальная речевая единица, в рамках которой возможна корректная интерпретация коммуникативного значения указанного типа РВП. Необходимость исследования языковых форм, включенных в более крупные отрезки дискурса, четко обозначена в работах Л. В. Цуриковой и Л. И. Гришаевой. Ср. предлагаемое ими определение речевого (дискурсивного) события: «совокупность коммуникативно значимых прагматически связанных речевых действий, направленных на достижение общей коммуникативной цели. Преследуя частные коммуникативные цели, каждый акт дискурсивного события выступает как стратегическое средство, используемое для решения общей коммуникативной задачи, и только в рамках этого события он приобретает смысл» (Гришаева, Цурикова, 2004: 383).

Анализ предложенных случаев употребления расчлененного вопросительного предложения, ранее не попадавших в фокус внимания исследователей, позволяет выявить некоторые внешние по отношению к языковой конструкции параметры коммуникативной ситуации. Речевое событие убеждения, в рамках которого в качестве подкрепляющих выступают речевые акты, оформленные РВП, имеет общую дискурсивную направленность осуществления некоторого давления на адресата, удержания общения в нужном и выгодном говорящему

фокусе. Говорящий выступает ведущим звеном в общении, поддерживающим с помощью экспликации прагматических пресуппозиций, выраженных в РВП, постоянный контроль. Слушающий явно выполняет ведомую роль. Его участие в дискурсе зачастую «виртуально», обратная связь не явна, что, однако, не выводит общение за рамки кооперативного взаимодействия.

Способность определенных типов РВП маркировать такой параметр коммуникативного контекста как позиционные отношения участников общения по линии «ведущий – ведомый» должно, по нашему мнению, стать предметом особого рассмотрения.

Совершенно очевидно, что обозначенная дискурсивная функция расчлененного вопросительного предложения не является единственной. Тем не менее, уже одна она подтверждает слабую объяснительную силу теорий, пытающихся рассматривать коммуникативное назначение РВП, опираясь лишь на уровень пропозициональной семантики и минимальный языковой контекст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова С. Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации. – Ростов н / Д., 2004. – 288 с.
2. Барабаш Т. А. Грамматика английского языка. – М., 1983. – 240 с.
3. Бузаров В.В. Основы синтаксиса английской разговорной речи. М., 1986. – 128 с.
4. Грайс Г. Логика и речевое общение // НЗЛ. – М., 1985. – Вып 16. – С.217-237.
5. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учебное пособие. – Воронеж, 2004. – 424с.
6. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. – М., 2003. – 400 с.
7. Малого Е. Н. Функционально-прагматические аспекты английских вопросительных предложений. – М., 2001. – 291 с.

Получено 20.01.2006 Воронежский государственный университет